

DOI 10.25991/AE.2019.16.85.003
УДК 821.161.1

Т. Р. Гавриш

Гавриш Татьяна Ростиславовна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, ligeia1838@yandex.ru

ОТ «КАРАМОРА» К «ЖИЗНИ КЛИМА САМГИНА»: НАЧАЛА И ПЕРСПЕКТИВЫ

Горький отзывался о цикле «Рассказы 1922–1924 годов» как о литературной работе, необходимой для создания следующего произведения. Рассказ «Карамора» является своеобразной постановкой тревожащего писателя вопроса: в чем причина противоречивости личности человека, приводящей его к полному и необратимому падению? Данная статья представляет собой опыт краткого анализа развития образа «запутанного» человека от Петра Каразина — к Климу Самгину и выявления параллелей и различий между созданными Горьким художественными образами.
Ключевые слова: «Рассказы 1922–1924 годов», «Карамора», «Жизнь Клима Самгина», «запутанный» человек

T. R. Gavrish

FROM «KARAMORA» TO «THE LIFE OF KLIM SAMGIN»: START AND PROSPECTS

Gorky spoke about the cycle «Stories of 1922–1924» as a literary work necessary for the creation of the next work. The story «Karamora» is a kind of statement of the disturbing question: what is the reason for the inconsistency of human personality, leading him to a complete and irreversible fall? This article is an experience of a brief analysis of the development of the image of the «confused» man from Peter Karazin to Klim Samgin and the identification of parallels and differences between the created by Gorky artistic images.

Keywords: «Stories of 1922–1924», «Karamora», «The Life of Klim Samgin», «confused» person.

Как известно, Горький отзывался о цикле «Рассказы 1922–1924 годов» как о своеобразной литературной работе, необходимой для создания следующего произведения. «Какую из моих книг я считаю самой лучшей? Она ещё не написана мною», — признался Горький в интервью иностранному корреспонденту осенью 1924 г. [1, с. 116]. В это время писатель жил в предчувствии будущей, «самой лучшей» своей книги. 25 марта 1928 г. он писал В. Я. Зазубрину: «“Рассказы 22–24 годов” <...> — ряд поисков иной формы, иного тона для “Клима Самгина”, — работы очень трудной и ответственной. Лично для меня поиски эти я считаю очень полезными <...>» [3, с. 268–269].

«У меня — перегруженность впечатлениями бытия, гипертрофия знания фактов, я слишком увлекаюсь их внешней необычностью, и это делает меня рассказчиком, а не исследователем тайн человеческой души, загадок жизни», — размышлял Горький в письме Р. Роллану 6 ноября 1923 г. [2, с. 265]. «Рассказы 1922–1924 годов» — несомненная попытка Горького приблизиться к исследованию «тайн человеческой души», прикоснуться к сокровенным «загадкам жизни».

Рассказ «Карамора», по мнению Е. Б. Тагера, это «психологическое исследование сложной и противоречивой личности» [7, с. 224–225]. Начавший свой жизненный путь как революционер, «старый партиз» Карамора вершит суд и собственноручно казнит агента охраны предателя Попова. Находясь под следствием по делу об убийстве, Карамора оказывается перед выбором: уголовная ответственность и смертная казнь или замена собой казнен-

ного предателя и служба в Охранном отделении. Вчерашний революционер, «организатор восстания, один из самых энергичных работников» [4, с. 371] не задумываясь выбирает последнее, в свою очередь становясь предателем и отступником. Вопрос — в чем причина противоречивости личности человека, приводящей его к полному и необратимому падению — мучительно тревожит Горького. Как и во многих других произведениях Горького, созданный им персонаж стал не столько ответом, сколько вопросом — в формулировке Тагера, «страшной и мучительной загадкой образа Караморы» [7, с. 225].

Действие рассказа начинается в тюрьме, где Карамора ожидает приговора после того как предательство, совершенное им, также оказывается раскрытым. Написанное им признание — это история его жизни и одновременно своеобразная исповедь. Карамора очень рано начинает ощущать внутреннюю раздробленность.

Живут во мне, говорю, два человека, и один к другому не притерся, но есть еще и третий. Он следит за этими двумя, за распрей их и — не то раздувает, разжигает вражду, не то — честно хочет понять: откуда вражда, почему? Это он и заставляет меня писать. Может быть, он и есть подлинный я, кому хочется понять все или хоть что-нибудь. А может быть, третий-то — самый злой враг мой? Это уж похоже на догадку четвертого [4, с. 372].

Клим Самгин — носитель аналогичного сознания:

Моя жизнь — монолог, а думаю я диалогом, всегда кому-то что-то доказываю, — размышляет он. — Как будто внутри меня живет кто-то чужой, враждебный, он следит за каждой мыслью моей, и я боюсь его [6, с. 204–205].

Тем не менее главный герой рассказа не только способен на нечто доброе: он способен даже на подвиг. В эпизоде спасения Караморой рыбаков с оторванной ветром и уносимой в море льдины он проявляет лучшее в себе, испытывая импульсивное, то есть первичное и поэтому истинное желание помочь, вплоть до самопожертвования. Однако, по его собственному признанию, в основе этого героического поступка лежит не что иное, как только самолюбование. Карамора вспоминает не только драматичный, но также и «смешной случай» из собственной жизни:

...во время устроенного мною с воли побега товарищам из тюрьмы старичок надзиратель, догоняя, четыре раза выстрелил в меня из револьвера. После второго выстрела я остановился, не хотелось бежать, не то — стыдно было, не то — смешно [4, с. 374].

Вновь герой проявляет и недюжинную смелость, даже дерзость, и чувство собственного достоинства. Однако, в сущности, поведение Караморы — это вопрос лишь его самоощущения: «Всего лучше чувствует себя человек в затруднительном положении» [4, с. 373].

Тем не менее «даже люди, доказавшие способность к подвигам, делали подлости» [4, с. 380]. Карамора как «запутанный человек» также оказывается в их числе. Активной революционной деятельностью, к которой герой всегда был совершенно равнодушен, он занимается только из честолюбия и непомерного тщеславия. Однако постепенно он приходит к внутреннему конфликту, в состояние «тихого, упрямого бунта».

Суть в том, — объясняет себе Карамора, — что раньше я говорил с людьми словами чужими, книжными и, сам оглушенный ими, не прислушивался к себе. А теперь я чувствовал, что внутри меня живет кто-то, гость непрощенный и неприятный, он слушает мои речи и следит за мной недоверчиво, подозрительно [4, с. 381].

«Кто я?» — этот вопрос впервые встает перед героем как самый значительный. Ответом на него становится эпизод «единоличной и немедленной» расправы с провокатором и шпионом Поповым, выдающим Охранному отделению людей, занимающихся подпольной революционной работой, и разрабатывающим план ликвидации самого Караморы и его подруги. Казнь Попова, повесившегося по настоянию Караморы, он переживает как «три, четыре самых скверных часа» [4, с. 383] в своей жизни. Однако убийцу тяготит отнюдь не убийство, совершенное им. Его очень тревожат слова Попова, сказанные им перед смертью: «Если — борьба, так уж герои с обеих сторон» [4, с. 385]. Эта мысль ста-

новится настоящим откровением для Караморы — ведь именно такая жизненная позиция, точнее ее принципиальное отсутствие, ему наиболее близка. Именно поэтому он так спешит привести в исполнение свой приговор: Попов уничтожается им прежде всего как свидетель истинного внутреннего состояния своего палача.

Внутренний конфликт героя разрешается его переходом во внутреннее состояние «отчужденности от самого себя» [4, с. 387]. В этом состоянии Карамора принимает предложение начальника Охранного отделения Симонова, заключающееся в том, чтобы заменить Попова.

Хорошо помню, что меня не испугала петля, накинута на шею мою, хотя я понимал, что игра моя проиграна непоправимо. Мне кажется, что я ни одной минуты не думал о том, какое принять решение, я принял его тотчас же, как только услышал слова Симонова «заменить Попова». Хорошо помню, что я сам был удивлен быстротой и легкостью, с которыми это решение возникло, — оно явилось так же естественно и просто, как возникает желание спать, гулять, выпить воды [4, с. 388], —

вспоминает он. Нравственные критерии Караморы низведены до уровня физиологических функций и нивелированы в его сознании. Не случайно своеобразным моральным кодексом Симонова, нового соратника Караморы, является «Жизнь животных» Брема. В сознании Караморы рождается предположение:

Ничего нет, все выдуманно, все лживо, а я призван открыть ложь, я первый, кто должен открыть людям, что все они обмануты, жизнь действительно голая, зверья борьба, и незачем сдерживать, главное, нечем сдерживать эту борьбу. Я первый открыл, что у человека нет сил протестовать против подлости в себе самом, да и не надо протестовать против ее: она — законное и действительное орудие взаимной борьбы [4, с. 396–397].

Ситуация возможного аналогичного выбора складывается однажды и в жизни Клима Самгина, в этот момент студента Московского университета, ровесника Караморы. Арестованный, «Самгин немножко любовался своим спокойствием», «чувствуя себя немножко героем». За десять дней пребывания в жандармском управлении определяется внутреннее состояние героя: «Каждый день усиливал бессмысленную скуку, обнажал пустоту в душе и, в пустоте, — обиду, которая хотя и возрастала день ото дня, но побороть скуку не могла» [5, с. 203]. Полковнику Васильеву, рассматривающему дело Самгина и ознакомившемуся с его заметками, непонятны мотивы поведения героя:

Как это выходит, что вы, человек, рассуждающий наедине с самим собою здраво и солидно, уже второй раз попадаете в сферу действий офицеров жандармских управлений? <...> рискуя карьерой, вращаетесь

среди людей политически неблагонадежных, антипатичных вам... [5, с. 692].

«Вот вы пишете: “Двух станов не боец” — я не имею желания быть даже и “случайным гостем” ни одного из них, — позиция совершенно невозможная в наше время! <...> вам надо решить: мы или они?» [5, с. 206] — ставит Самгина перед выбором его собеседник. Он предлагает Самгину «активно выразить <...> подлинные симпатии, решительно встать на защиту правопорядка» [5, с. 206] и стать его осведомителем. «Этого Самгин не ожидал, но и не почувствовал себя особенно смущенным или обиженным» [5, с. 206]. «Неясное, но подавляющее чувство», испытываемое Самгиным в данный момент, — это его эмоциональная реакция на то, «что предложение жандарма не оскорбило его» [5, с. 209].

Самгин принимает твердое решение, трижды отказываясь от сделанного ему Васильевым предложения — сразу же после него, затем в этом же эпизоде после попытки Васильева склонить Самгина на свою сторону, затем через три недели. Таким образом, Самгин отказывается от предложения сотрудничать с полицией и в тот день, когда это предложение сделано, и получив возможность подумать над своим первоначальным решением в течение достаточно долгого времени. «Тяжелые настроения», в одном из которых находится герой, «колеблют и расшатывают его веру в свою оригинальность» [5, с. 215]. Тем не менее в первый момент времени Самгин произносит «нет» «быстро и очень спокойно», только во второй — испытывает «ощущение испуга» (анализируя происшедшее, Самгин прежде всего задается вопросом: «<...> чем испугал жандарм? Теперь ему казалось, что задолго до того, как офицер предложил ему службу шпиона, он уже знал, что это предложение будет сделано. Испугало его не это оскорбительное предложение, а что-то другое» [5, с. 208]) и вновь «спокойно, как только мог», произносит «нет» и, наконец, «очень твердо» повторяет свое «нет» в третий раз. Отпуская Самгина, Васильев упоминает о длительной командировке, в которую отправляется, и «в случае каких-либо недоразумений или вообще... что-нибудь понадобится» [5, с. 218] предлагает Самгину обращаться к замещающему его ротмистру. Уходит Самгин «с чувством иронического снисхождения к человеку, проигравшему игру, и едва скрывая радость победителя» [5, с. 218]. Васильев, не потерявший надежды сделать Самгина шпионом, видится ему дураком. «О себе Самгин сгоряча подумал, что он действительно независимый человек и, в сущности, ничто не мешает ему выбрать любой из двух путей, открытых пред ним» [5, с. 218]. Однако эта самооценка дана герою именно сгоряча; за мыслью о свободе выбора одного из двух путей возникает другая: «Само собою разумеется, что он не пойдет на службу жандармов, но, если б издавался хороший, независимый от кружков и партий орган, он, может быть, стал бы писать в нем» [5, с. 218]. В действительности

Самгин пытается найти некий третий, собственный путь, существование которого опровергается даже его оппонентом Васильевым, начавшим первую беседу с Самгиным именно с этого. Карамора, который, «видимо, равнодушен к добру и злу» и не знает, «“постыдно” ли такое равнодушие» [4, с. 373], лишен этической ориентации: он в равной мере революционер, осведомитель и, более того, нечто третье: «<...> я мог бы не выдавать товарищей. <...> мне легко было бы делать кое-что полезное для них. Я и делал» [4, с. 395–396]. Именно в этом Клим Самгин, благодаря сделанному им выбору, в чем-то и сопоставлен, и противопоставлен Караморе. Не случайно Васильев считает себя вправе сделать двусмысленное предложение Самгину — человеку без принципиальных взглядов и убеждений (кроме убеждения в собственной оригинальности), без выбора, без пути. Не случайно и то, что Самгин не оскорблен. В сущности, ему понятны мотивы Васильева, а отказ сотрудничать — это отказ и от выбора, который в данный момент ставит перед ним жизнь. Однако отказ Самгина объясняется не только его социальным происхождением, воспитанием и образованием, его статусом интеллигента. Это решение, обоснованное именно этически, принятое даже бессознательно этически, предательство — путь, исключенный для Самгина.

Внутреннее перерождение, духовная дегенерация Караморы проявляется в его новом внутреннем состоянии:

Разумом я сознавал, что делаю так называемое подлое дело, но это сознание не утверждалось соответствующим ему чувством самоосуждения, отвращения, раскаяния или хотя бы страха. Нет, ничего подобного я не испытывал, ничего, кроме любопытства; оно становилось все более едким и, пожалуй, тревожным, выдвигая разные вопросы... [4, с. 396].

Самый болезненный для себя вопрос Карамора формулирует так: «Отчего я так несоединимо и навсегда расклеился?» [4, с. 399]. В отличие от казненного им Попова, совесть которого протестует против совершаемого им предательства и которому «очень страшно» («думаешь, что все догадываются, чувствуют») [4, с. 385], Карамора не ощущает ничего подобного. Тем не менее он настойчиво ищет ответ на поставленный перед собой вопрос.

...я беспощадно нахлестывал себя, чтоб дойти до ответа. Я выдал охране и отправил на каторгу одного из лучших партийных товарищей, человека на редкость хорошего. Я очень уважал его за чистоту души, за бодрость духа, неутомимость в работе, добродушие и веселый характер. Он только что бежал из тюрьмы и третий раз работал нелегально. Выдал я его и ждал, что теперь в душе моей что-то взвоят. Ничего не взвело [4, с. 399].

Горьковский герой ощущает множество симптомов внутреннего дробления своей личности

на части, каждая из которых ведет отдельное существование, следуя собственной логике и находя в этом свой обособленный от окружающего смысл. Один из таких признаков духовной болезни индивидуальности — экзистенциальное одиночество. Караморе (как, в равной мере, и Климу Самгину) свойственна первичная рефлексия, смысл которой сформулирован им самим: «В каждом человеке живут двое: один хочет знать только себя, а другого тянет к людям» [4, с. 374]. В неизбывном одиночестве проводит свою жизнь и главный герой горьковского романа. Тип горьковского героя эволюционирует и усложняется: в отличие от Караморы, Самгин не воспринимает собственное «я» как нечто «самое существенное». «Горестное сожаление» об отсутствии действительно близкого человека Самгин отчетливо ощущает после организованного в доме его «патрона» небольшого собрания, на котором Степан Кутузов должен сделать интересное сообщение. Почти восхищенный Кутузовым, фактически признавший личностное превосходство этого человека, вызывающего «и зависть и симпатию», Самгин испытывает искреннее тяготение именно к нему, безотчетно поднимаясь и над самолюбием, и над завистью, — казалось бы, своими неизбежными спутниками.

О другом «симптоме» говорит сам Карамора: «Говорят, есть в глазу какой-то “хрусталик” и от него именно зависит правильность зрения. В душу человека тоже надо бы вложить такой хрусталик. А его — нет. Нет его, вот в чем суть дела» [4, с. 402]. Отсутствие внутреннего стержня отчетливо ощущается этим человеком. Даже в его речи наиболее часты слова «разум», «знание», и совершенно отсутствуют у него «совесть», «любовь», «раскаяние». Полностью возложив роль этих атрофированных чувств и ощущений на рефлексирующий рассудок, Карамора постепенно разрушается изнутри, превращается в человеческие обломки и окончательно заходит в тупик. Уже в начале повествования герой сравнивает себя с «рыбой в бредне» [4, с. 367], а описывая собственную жизнь, смотрит на себя «как на чужого» [4, с. 373]. Окончательно заблудившись в себе и в жизни, Карамора замыкается и отъединяется от мира, так же как и мир отторгает Карамору. Не случайно его жизненное пространство ограничено стенами тюрьмы, а во время «исповеди» он окружен символической темнотой.

Говоря о своем герое, писатель постоянно подчеркивает опасность внутреннего опустошения человека, ведущего его к нравственной гибели. Описывая историю своей жизни, «смелый до нахальства» Карамора вспоминает: «Страх испытал я, кажется, только один раз — во сне...» [4, с. 374]. Автор намеренно погружает героя в сон как особое бессознательное состояние, в котором человек не способен лгать себе. Только во сне Карамора получает возможность встретиться со своим истинным «я». Сон, в котором метафорически обозначены сущность и подлинная жизнь героя, стано-

вится самым страшным кошмаром всей его жизни. Карамора видит замкнутое и все более замыкающееся вместе с ним пространство. Призрачность персонажа, его «нечеловеческое» подтверждается беззвучием его шагов, вполне реальных во сне. Герой, закрытый в сжимающейся пустоте, неразрывно связан только со своим обезображенным в отражении двойником, который дан Горьким как истинное лицо Караморы. Он изображен в процессе мучительного поиска собственной цельности, воссоздания своего неделимого «я» — поиска, увенчивающегося не успехом, а напротив, состоянием паники, ужаса и безысходности. Аналогичный художественный прием использован Горьким в «Жизни Клима Самгина». Он вновь позволяет писателю охарактеризовать героя с точки зрения его истинного, единого внутреннего «я». Эта характеристика, несмотря на свою естественную неоднозначность, оказывается совершенно точной.

Горьковских героев пробуждают от сновидений люди, образы которых очень важны для Горького. Появление празднично настроенной перед концертом Дуняши Стрешневой в комнате Самгина сопряжено с образом света. От кошмара Карамору пробуждает человек без имени: «...Явился странный человек и начал проповедовать мне о «распятом за нас при Понтийском Пилате». Он почти не говорил — “Христос”, а всё только “распятый за ны”» [4, с. 374–375]. Карамора вступает в спор с этим человеком. В его понимании религия — это «наивная поэзия, лирика нищих духом, выдумка, обман в конце концов» [4, с. 375]; подвиг Христа, о котором говорит человек без имени, Карамора называет авантюрой. Пробуждение человеком без имени не становится для Караморы пробуждением от сна, в котором он прозябает всю свою жизнь, с одинаковым равнодушием служа, спасая, предавая и убивая. В том же метафорическом сне пребывает и Клима Самгин: «...бог должен быть или непонятен и страшен, или так прекрасен, чтоб можно было вразумно восхищаться им», — думает Самгин; «В боге не должно быть ничего общего с человеком» [6, с. 376]. Ни Карамора, ни Клима Самгин не понимают истинного смысла философии христианства, забывая «о Сыне Человеческом, Который <...> пытался заменить закон Отца, закон борьбы, — законом любви» [6, с. 448].

Но даже Карамора не может не ощущать ценности той высшей правды, которая служит основанием человеческой жизни: «Привычка жить честно — это как раз то самое, чего не хватает людям» [4, с. 398]. Придя к такому выводу, герой осознает наконец, что «поймал что-то верное». Последний человек, о котором он вспоминает перед смертью, — пропагандистка Тася Миронова. Ни разу не упомянувший о собственной матери, духовный сирота, он до последнего дня чувствует острую тоску по «ласковому, но твёрдому сердцу», которое даже он не смеет предать. Но и перед физической гибелью, ставшей следствием нравственного падения, Кара-

мора остается верен себе. После воспоминания о Тасе он вновь замыкается в мысли о себе. «А что, если я действительно тот самый мальчишка, который только один способен видеть правду? “Король-то совсем голый”, а?» [4, с. 403].

Окончательный итог жизни Караморы — это приход к абсолютному неприятию мира, погружение в гордыню, самосозерцание и твердая убежденность в своей мнимой правоте и уникальности. Даже своих палачей он встречает полупрезрительно-полуравнодушно: «Опять лезут ко мне... Надоели» [4, с. 403]. Окончательный итог жизни Самгина Горьким не подведен.

Горьковский цикл характеризует единство героя: это человек абсурдный, отверженный или отвергнувшийся, существующий вне абсурдного мира, породившего его, — «кошмарного раздробленного мира одиноких людей» [8, с. 459]. Это герой с цельным или множественным, но всегда парадоксальным сознанием, необычным, часто в той или иной степени измененным. Модификациями именно такого типа героя через некоторое время Горький наполнит художественное пространство своей последней, «исповедальной» книги — страницы «Жизни Клима Самгина». Рассказ «Карамора» представляет

собой попытку художественного осмысления проблемы «запутанного» человека. Центральный его персонаж — один из литературных предшественников и типологических «родственников» главного героя «Жизни Клима Самгина». Действительно, при всей невозможности прямого соотнесения образов Петра Каразина и Клима Самгина, несомненно определенное сходство их внутренней организации.

Литература

1. Архив А. М. Горького. Т. 12. М.: Наука, 1969.
2. Горький М. Полное собрание сочинений. Письма в двадцати четырех томах. Т. 14. 1922 — май 1924. М.: Наука, 2009.
3. Горький М. Полное собрание сочинений. Письма в двадцати четырех томах. Т. 17. Август 1927 — май 1928. М.: Наука, 2014.
4. Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения в 25 т. Т. 17. М.: Наука, 1973.
5. Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения в 25 т. Т. 22. М.: Наука, 1974.
6. Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения в 25 т. Т. 24. М.: Наука, 1975.
7. Тагер Е. Б. Избранные работы о литературе. М.: Советский писатель, 1988.